

сье, которая позволила спустя несколько лет выдвинуться в число лучших в этом жанре.

С 1922 года в течение двух лет он работал в кабаре «Не рыдай», где впервые нашла применение склонность молодого артиста к острому, шутливому, а подчас и резкому разговору с публикой. Это позже – в тридцатые годы – публика перестала быть чересчур разговорчивой: изменились времена. А пока по многочисленным кабаре и театрикам витает пусть и обманчивый, но такой пьянящий воздух революционной свободы! Чего только не приходилось делать на сцене этому нехуденькому человеку! Исполнять песенки, танцевать, участвовать в гимнастических номерах. Здесь же он сделал первую попытку конферировать. Вот что писал об этом времени сам Гаркави: «Моя работа протекала в различных театрах, пока я не вошел одним из организаторов так называемого театра «Синей блузы», где я проработал в качестве актера и бригадира базовой группы до 1927 года, после чего я уехал

на один сезон в Ленинград, в Театр сатиры к Д. Г. Гутману, а с 1928 года начал конферировать в «Эрмитаже» (Москва), мюзик-холлах Москвы, Ленинграда, Харькова, Ростова, Тбилиси. Началом своего нового амплуа конферансье считаю 1927 год, когда сыграл в Театре сатиры два обозрения с конферансом. Что и определило мою дальнейшую работу».

И вот началась жизнь Гаркави-конферансье. «Это все профессия, вечные пересадки с самолета в поезд, с поезда на пароход. Словом, живу, как кочевник». Удивительно, что слова эти были написаны в одном частном письме всего лишь за три месяца до его кончины. Об отдыхе, о серьезном лечении (артист тогда уже был очень болен) Гаркави даже не думал. Что же было говорить о начале его пути, когда каза-

лось, что сил и энергии хватит еще на сто тысяч концертов! Гастроли, гастроли... Слава о нем бежала быстрее его самого. Найдется ли в нашей стране концертный зал – от Колонного в московском Доме союзов до Дома культуры в Норильске, – где бы не выступал Гаркави!

Однажды он немного приподнился к началу концерта, вбежал, чуть запыхавшись, на сцену: «Извините, товарищи, я был у терапевта, что-то плохо себя чувствую». Кто-то из зала: «А вы к ветеринару не пробовали обращаться?» «Обращался, – отвечает Гаркави, – а он мне говорит: «Какой идиот тебя ко мне направил?!»

НЕ Погрешив против истины, можно сказать, что Гаркави принадлежали все «красные дни календаря». В 1937 году он становится первым артистом

В 1937 году он становится первым артистом эстрады, который появляется перед юными зрителями на празднике детской елки в облике Деда Мороза

эстрады, который появляется перед юными зрителями на празднике детской елки в облике Деда Мороза. Большой, подвижный, добрый и веселый «дедушка» живо реагировал на происходящее в зале.

А разве можно было вообразить концерт, посвященный дню 8 Марта, без этого полного, обаятельного конферансье? Представьте себе Центральный Дом литераторов в Москве в международный женский день. Михаил Наумович выходит на сцену и видит, что в зале полный аншлаг, а зрители – одни женщины. «Я никогда не думал, что жен писателей гораздо больше, чем самих писателей!» – мгновенно находится Гаркави. Зал завоеван.

Его коньком (чем не пример нынешним шоуменам?) было знание местного материала и умение его ярко обыгрывать. В самом деле, с каким еще заранее подготовленным репертуаром может сравниться следующее. Открытый концерт в Ярославле. Гаркави начинается с похвалы чистоте города, но затем переключается на огромную лужу при входе в парк культуры и отдыха. «Очевидно, эта лужа – дань уважения Н.В. Гоголю, который описал когда-то миргородскую лужу. Но у Гоголя в этой луже копошились свиньи, а здесь их почему-то нет. Раз уж завели миргородскую лужу, то и свиней заводите!»

В архиве Михаила Наумовича сохранилась одна тетрадка. Обыкновенная ученическая тетрадка зеленого цвета. На обложке его рукой написано: «Памяти прошедших концертов» – и ниже – сезон 1938/39 г. Нечто вроде современных ежедневников. Полистав эту тетрадку, я, пожалуй, узнал об